

У моей бабушки Анны хранился старинный и очень красивый зеленый бархатный альбом с причудливой виньеткой. В альбоме - фотографии ее семьи теперь уже прошлого и позапрошлого веков. Я часто рассматривала эти фотографии и восхищалась своими красивыми ушедшими предками. Таких лиц в мое время уже не было... Куда они подевались? Выражение лиц и глаз было иное, не нашего времени... Для меня разглядывание альбома превращалось в увлекательное и таинственное путешествие в прошлое, которое исчезло...

Бабушка рассказывала мне, кто был на фотографиях, что случилось. От нее узнала я о четырех ее братьях. Грустно веяло от этих повествований...

Старший Александр ушел добровольцем на фронт в начале Первой мировой, попал в плен к немцам и оказался в малюсеньком городочке Ванзее, недалеко от Берлина. Работал там фотографом. После окончания войны и революции переписка с ним прекратилась. Никто и никогда ничего о нем более не слышал...

Другой брат Иван был офицером Русской Императорской Армии. Закончил военную академию и служил в авиации в чине полковника. С началом Гражданской войны в 1918 г вступил в Белую Армию, сражавшуюся против красных. Белая Армия под командованием Генерала Барона Врангеля после ожесточенных боев теряла свои позиции и вынуждена была отступить из Крыма. Выжившие из полка Ивана находились какое-то время в знаменитом беженском лагере Галлиполи (Турция), а позже дядя Ваня переехал на маленький городочек Мерано на севере Италии.

Третьему брату Владимиру к началу Гражданской войны было 18 лет. Он также вступил в Белую Армию рядовым и эмигрировал в Турцию вместе с Иваном.

Четвертому брату Виктору было всего 14 лет. Однажды во время перестрелки в городе Георгиевске на Северном Кавказе, где жила вся семья, он с мальчишками побежал на улицу посмотреть бой между наступавшими красными и отступавшими белыми. Внезапно Виктор без единого звука упал: шальная пуля попала ему прямо в сердце. Шел 1919 г.

В большой семье Бабкиных было четыре брата.

Дядя Ваня писал родным из Мерано, и моя бабушка с сестрами отвечали ему, так же, как и дяде Володе, который жил в Сербии после отъезда из Турции.

Однажды сестру Раю вызвали куда надо в Майкопе и допрашивали в течение нескольких часов о ее родичах за границей (советские рабы не должны были иметь родственников в иностранных государствах). Рая смертельно испугалась. Она отрицала все: родственников нет, переписки нет, братьев нет, ничего нет, просто ничего нет.

После возвращения домой она послала письма Ване в Ита-

лию и Володе в Сербию, умоляя их больше не писать. Конец. Родственников за границей не было. Не было - и все.

Их мать Евгения, гуцулка, простая женщина дожила свою несчастливую жизнь без всякой радости. Единственным ее желанием было увидеть своих дорогих мальчиков. Время от времени она горько плакала, приговаривая: "Хлопців бы мені

Наталья
ГАТТАС

РУССКИЙ ОБЕРСТ

побачить, хлопців..." Не побачила. Ни одного.

Покидая Россию, я знала что поеду в Мерано искать дядю Ваню, хотя очень мало было известно о его жизни в общем, не говоря уже после 1934 г. Столько лет утекло...

Я также находилась в Италии какое-то время.

И вот в один урочный день я выехала из Рима на поезде, шедшим в Больцано, где нужно пересаживаться до Мерано.

Приехала утром. Мерано маленький, чистенький и красивенький городочек, окружен горами, покрытыми вечным снегом. Здесь царит мир и покой, никто не спешит, ни даже время. Но мне этот маленький городочек представлялся огромным миром, поскольку именно здесь я должна была найти своего дядю Ваню, где он жил столько лет назад... Мама мия, сказала я сама себе, что же мне делать?

Любая длинная дорога начинается с первого шага, как говорят на Востоке. Первый шаг я уже сделала в Риме. Теперь - второй.

Увидев полицейского, попросила дать мне адрес Городской Управы, "Ufficio del Anagrafe" по-итальянски. В Риме я выучила несколько необходимых для моих поисков слов: дядя, полковник, летчик, женат, живой-умерший, племянница. В Мерано говорят по-немецки и по-итальянски. Я говорила на четырех языках, но ни на одном из этих двух, хотя за короткое время пребывания в Риме научилась к тому же изъясняться на простейшем итальянском.

Добралась до Городской Управы. Закрыто. Слишком рано. Прогуливаясь по улице в ожидании, я представила себе, что вот здесь прогуливался и мой дядя Ваня и думал о такой далекой своей России и родичах, так страстно желавших увидеть его. И вот сейчас здесь в Мерано я так же страстно желала увидеть дядю Ваню. Только десятки лет спустя. Всего-то... Миг в вечности...

И вот - двери в прошлое открылись... Зайдя внутрь Управы, я обратилась к первой симпатичной даме с готовой речью на очень уж ломаном итальянском: "Мадам, я не говорю по-немецки, я не говорю по-итальянски, но мне нужна помощь. Я ишу своего дядю, его звали Иван Бабкин, летчик-полковник, воевал в Белой Русской Армии в 1918-1920 гг. Жена - русская эмигрантка Наталья Барановская, у нее был антикварный магазин. По-

следнее письмо от него моя семья получила в 1934 или 1935 году. Это все, мадам. Пожалуйста, помогите".

Дама поняла все. Сказала: "Подождите, я проверю списки живых и умерших в городе."

"Заманчиво", - подумала я. Но в самом деле - где же мог находиться мой дядя Ваня: только среди живых или мертвых. Я ждала. И через минуту дама

мы помчались на его машине на Виллу Бородино.

Сердце мое продолжало бешено биться вместе со стуком в дверь Виллы и, думаю, громче. Открыла очень старая женщина. Я представилась и спросила про дядю.

- Конечно, я знала его. - Он жив? - Нет, нет он скончался около 15 лет назад.

Дама говорила крайне энер-

гично, как если бы она сообщила мне наилучшие новости: в голосе ее не было ни малейшего сочувствия или симпатии. Но, может, она была слишком стара для каких-либо чувств в свои 90 с лишним лет. Возраст однако не помешал ей быстро и нетерпеливо переключиться на свежие новости: кто-то пытался закрыть церковь и саму Виллу, это незаконно, и, конечно, есть множество негодяев, и против всех них надо бороться, она не сдастся, да ни за что.

Мне все же удалось во время короткой паузы задать ей несколько вопросов.

- Вы хорошо знали моего дядю? - Достаточно хорошо. Он был настоящий мужчина, не как многие. Сегодня люди намного хуже. Помню, мы ехали в поезде, подошел билетер, я открыла сумочку достать деньги, но Иван сказал: "Ольга Николаевна, я заплачу, Вы едете с русским офицером." Вот, настоящий человек. - Был ли он женат? - Да, на голландской баронессе, я не знала ее, они переехали. - Нет, моя бабушка говорила мне, что он был женат на русской. Наталья Барановская. У нее был антикварный магазин здесь в Мерано. - Нет, нет, - сказала старая воительница, - голландская баронесса, и у них был замок. - Где этот замок? - Откуда я знаю? Я никогда не была там. Где-то близко. - Кто-то знает? - Ну-у, спросите этого негодяя Мельникова. Он живет внизу. Я даже не разговариваю с ним. Они были друзья и, по-моему, служили в одном полку.

Сообщив мне эти сведения, неутомимая валькирия снова уверила нас, что сдаваться она не собирается, что против плохих надо всенепременно бороться и побеждать... Конечно, надо, кто бы спорил. Я поблагодарила Ольгу Николаевну, все еще надеясь, что она ошиблась, и дядя Ваня жив. Моя интуиция молчала в ступоре, все же тихо сообщая мне, что я все узнаю.

Мы спустились с Йоганном вниз, где жил этот негодный Мельников со своей итальянской женой. Она выглядела усталой и измученной - какой контраст по сравнению с валькирией. Итальянка курила, глядя перед собой потухшим взором. Это правда: каждый страдает в одиночку. Самого Мельникова дома не было. Может, позже...

Йоганн предложил поехать на кладбище проверить регистрационные книги. Вперед! Я начала изучение записей с 1934 г. Фамилии Бабкин там не оказалось. Опять затеплилась на-

Александр Бабкин

Иван Бабкин

Владимир Бабкин

Виктор Бабкин

дежда, я даже не подумала, что дядя Ваня мог быть похоронен в другом месте.

Вечером мы вернулись на Виллу и застали Мельникова. Надежда моя рухнула: дяди Вани в живых не было...

Голубые глаза Мельникова излучали свет и радость жизни. Он не знал, где жил Иван, но голландская баронесса и замок были точно. "Все помешаны на замках здесь. Никто из моей родни никогда бы не смог жить в замке," - подумала я. Мельников готов был помочь, а к поискам обещал подключить свою даму с машиной. Я вспомнила оставившийся взгляд его жены.

Как звали баронессу? Где замок? Куда ехать? - Где-то недалеко, наверное. Может, слева, может, справа от дороги. Поехали. Что ж, я тоже рисковала: разве всегда надо знать брод? А витязь на распутье? А русское авось? А пойдти туда, не знаю - куда? Вперед! По ходу разбежусь.

Поехали утром. Кругом сказочная красота. И слева от дороги, и справа всамделишные замки. Но Мельников не узнавал нужного нам. Много раз останавливались и спрашивали: никто даже не слышал о голландском бароне без фамилии. Мы повернули обратно, в день сегодняшний из времени ушедшего...

И вдруг дама Мельникова воскликнула: "Смотрите! Это бургомистр. Он может знать!"

Как дикая кошка выпрыгнула я из машины, едва не сбив с ног почтенного бургомистра. Выпала крохи сведений о дяде, о голландской баронессе. Очень спокойно почтеннейший сказал, что да, лет очень много назад жил здесь голландский барон Роуланд, оставил этот мир, дети его уехали, замок продали. Надо поспешать и спросить в Комиссариате, что практически рядом, они скоро закроются, там хранится информация обо всех, кто когда-то жил здесь.

Комиссариат, надежда, быстрее... Там уже закрывались, но вняли моей горячей просьбе. На каждого Роуланда - отдельная карточка. Как хорошо - учет и... Совсем по-нашему. Было несколько женских имен с фамилией Роуланд: одна уехала в Австрию, другая - в Голландию, а третья - Ирмела уехала в Сан-Лоренцо. Вспомнила, что в разговоре Мельников упомянул эту деревушечку, там и жил дядя Ваня. Недалеко от Мерано. Да хоть бы и далеко: я уже на тропе. Вперед - в Сан-Лоренцо.

Доехала. Чисто, тихо, никого, пустыня с домами. Дверь церкви открыта, зашла - никого. Посидела, подумала - что дальше? Где люди? Вышла, прислушиваясь к малейшему звуку. Никто и ничто не нарушало тишину. Разве можно нарушать такую тишину?

Наконец, все же услышала звук: метла подметала тротуар. Ну, не сама же по себе, кто-то должен быть прикреплен к звучанию метлы? О, мужчина лет сорока. Нет, слишком молод. Да, он и не слышал о русском в деревне. Но, может, его жена? Ах, нет. Услышу ли я "да" в этой пустыне? И опять я стояла как

старинный идол, наверное, ждала чуда. И дождалась.

На мою тропу вышла из дома очень старая женщина с мусором. Снова - моя речь. Снова нет. Она плохо говорила по-итальянски, может, хуже меня. Я никогда не изучала немецкий, но из книг и фильмов о войне какие-то немецкие слова поселились в моей памяти. "Русише оберст," - сказала я.

Вот с этого и надо было начинать. При слове "оберст" лицо моей спасительницы озарилось, и она сказала:

- О, Фрау Оберст, я знаю ее, мы друзья, она здесь, я видела ее в магазине вчера.

- А ее муж, Герр Оберст?

- Нет, не знаю. Герр Оберст... Не знаю... (Ничего себе друзья, - подумала я. На Западе это по-

У нас ушла неделя, чтобы наговориться о дяде Ване. Им было подарено 28 лет прожить в идеальном счастье.

Я опоздала всего на девять лет... В углу гостиной на столе стоял огромный рисованный карандашом портрет дяди Вани: брови вразлет, легкая усмешка и глаза с прищуром, как у всех Бабкиных. И опять - таких лиц больше нет. Куда девались? Пропали вместе с русским укладом, ладом?

После кончины Ивана от почечной болезни Ирмела кремировала его и урну с прахом поставила за портрет. "Он всегда со мной", - говорит она. Ежедневно, ежеминутно...

Иван очень страдал, находясь так далеко от России-Матушки и своей семьи. Да, был

ездил той дорогой, даже если путь значительно сократился бы, и несмотря на уговоры Ирмелы.

Он был очень эмоционален, легко расстраивался по пустякам, если ему вдруг казалось, что Ирмела не обращает на него достаточного внимания или сказала что не так. По целым дням он не разговаривал с ней, уходил в себя, явно страдал и выглядел как обиженный ребенок. Мне прекрасно известна эта наша фамильная черта: расстраиваться по пустякам, страдать молча, пребывать полностью в черной русской меланхолии. Но все же Солнце снова сияет, переполняя нас эмоциями и радостью жизни. Через край.

Дяде Володе уготована была иная судьба. Он работал в Сер-

раз русский - значит, коммунист. Ивана отвезли в тюрьму в Брюниг - райцентр, допрашивали долго и с пристрастием, назвали коммунистом. Дядя Ваня возмутился: для офицера Белой Армии, заявил он, оскорбление - быть названным коммунистом или красным, ибо как раз против них Белая Армия и сражалась. Именно из-за них Иван потерял все. И тем не менее немцы продолжали держать его в тюрьме.

Между тем, Ирмела использовала старые связи и влияние, чтобы выволить Ивана. Вскоре с помощью бургомистра Брюнига дядю Ваню выпустили. Он никогда не пытался выяснить, кто доносчик. Зачем? Но для офицера Белой Армии горько было слышать обвинение в принадлежности к большевикам-коммунистам-красным, которые, зачистую и не были русскими, несмотря на то, что стояли во главе советского государства после революции 1917 г. Лившаяся кровь, да, была русской, но жертвы никого не интересовали. Русских можно и нужно было убивать. По плану.

Неизменно, даже фатально: и по сию пору мало кто желает знать, что именно произошло в России после 1917 г. До сих пор не отвечены вопросы: почему имело место массовое убийство русского населения, разрушалась русская культура, практически ни одного русского в правительстве, да и на местах, почему за границей оказалось более миллиона беженцев из России, почему книги русских классиков - краса и гордость мировой литературы - открыто бросались в огонь на площадях, у крестьян отбирались паспорта, почему разразился повальный голод в стране, кормившей до этого хлебом всю Европу, откуда взялись тысячи безпризорников, эпидемии тифа, почему не было ни одного русского представителя в Лиге Наций, почему в концлагерях в мирное время гнили миллионы людей? Вопросам не было и нет конца...

х х х

Мой дядя Ваня, русский офицер Белой Армии, знал ответы на все подобные вопросы. Он воевал за Россию, но проиграл. Русские проиграли. Россия проиграла...

Я написала этот рассказ, в котором все имена и события подлинны, в память моей разбитой семьи, в память моих драгоценных предков русичей: Александра, Ивана, Владимира, Виктора, которых я никогда не видела, в память тех русских, которые погибли в крови и страданиях, защищая Родину от черной сатанинской силы. Белые Воины были беспощадно убиваемы, а выжившие оболганы.

Ныне правда о Белом Воинстве все же приоткрывается. Мы терпеливо ждем открытия всей правды. Мы терпеливы...

К сожалению, слишком...

Виктор Бабкин (второй слева) с друзьями-гимназистами.

нятие несколько отличается от нашего, но сейчас не суть).

- Покажите, пожалуйста, ее дом.

- Нет, она не здесь живет, а в соседней деревне Сан-Мартин, далеко, 4 км отсюда.

Не знала фрау, сколько километров я преодолела, чтобы поговорить с нею... 4 км - о чем речь? Идти только прямо, не сворачивая на маленькие дорожки. Так прямо и пойдю... не сверну...

Я пролетела те километры, несмотря на разреженный горный воздух и затрудненное из-за этого дыхание. Зашла в ближайший двор и остановилась. Ни звука, ни ветра, ни падающего осеннего листика. Что-то, наконец, послышалось из сарая. Кто же или что же звучит? Иду по курсу. Да, мужчина сгребал сено. Живой. На отличном немецком говорю: "Гутен таг. Фрау Оберст". Молчаливый взмах рукой куда-то туда. Пошла. Деревня заканчивалась Ну, не последний же дом. Стучу в предпоследний. "Фрау Оберст?" Нет, все ж последний.

И в этом последнем доме я, наконец, получила все ответы...

х х х

У меня ушло два дня, чтобы найти Ирмелу Бабкин-Роуланд.

женат на Наталии Барановской, развелись: она любила командовать, а Иван сам был командиром, правда, на фронте. Но он так страдал от одиночества в Италии...

Со временем он занялся разведением кур на окраине Мерано и доставлял свежие куриные яйца окрестным жителям. Многие спрашивали о его профессии: он не выглядел как крестьянин, а прищельцем из иной жизни... Он также доставлял кур и яйца в замок барона Роуланда, где и познакомился с Ирмелой.

После женитьбы они переехали в Сан-Лоренцо, потом в Сан-Мартин и трудились от зари до зари на своей птицеферме. Иван обещал Ирмеле объездить всю Европу, как только они соберут достаточно денег для подобного путешествия. Этого так и не случилось, но счастье все равно оставалось. В деревне Ирмелу стали звать Фрау Оберст.

Иван сам смастерил и раскрасил русские сани и купил лошадь. С характером. Однажды они поехали на санях, запряженными норовистым Ниарко. На мосту Ниарко испугался незнамо чего, понес, сокрушил мост, Ирмела упала и сломала руку. С тех пор Иван никогда не

бился землемером, пользовался всеобщей любовью и уважением, состоял членом группы Врангелевские Мальчики, целью которой было служение Родине. "Моя жена - Россия", - говорил он, приняв решение бороться против большевиков, разрушивших его Родину.

В 1939 или 1940 г. Володя приехал к Ивану в Сан-Мартин и сказал, что он с группой русских патриотов собирается в Россию, чтобы сражаться против советского режима. Иван отговаривал, не потому что не любил Родину, но будучи профессиональным военным понимал: время неподходящее, советское государство пользовалось всемирным признанием, силы для боя и победы слишком неравные. Но дядя Володя не слышал.

Среди патриотов находился предатель, группу обстреляли на границе с Польшей, двоих убили на месте, остальных - в Гулаг. Дяде Володе повезло: он избежал ужасов концлагеря - был убит на месте. Иван оказался прав, но и Володя тоже: не мог не пойти...

Во время Второй мировой, когда немцы вошли в Сан-Лоренцо, дядю Ваню арестовали: местные доброхоты сообщили новым властям, что в деревне проживает русский. А

